

ЛІТАРАТУРАЗНАЇСТВА

УДК 821.111(73) Т. Моррисон

*Е. В. Гранкина,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
русской и зарубежной литературы БГПУ*

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В РОМАНЕ ТОНИ МОРРИСОН «ЖАЛОСТЬ»

В современном мире культурного, этнического многообразия особенно остро стоит проблема национального самосознания, под которым понимается свойственное нации осознание своей сущности, своей роли в мировой истории на основе специфической системы взглядов, представлений, характерных для нации и определяющих ее уникальное место в социуме. Проблема национального самосознания – проблема универсальная, присущая всем этническим и национальным группам. Осмысление этой проблемы становится объектом философии, политологии, психологии и, несомненно, литературы. Так, в белорусской литературе попытки осознания национальной идентичности, особенностей самосознания обнаруживаются в произведениях Янки Купалы «Тутэйшыя», Я. Барщевского «Шляхтич Завальня», романах В. Короткевича, Г. Далидовича, В. Гниломедова, Л. Рублевской.

В американской литературе – неотъемлемой составляющей мирового литературного процесса – к проблемам национального самосознания обращается афроамериканка Тони Моррисон, обладательница Нобелевской премии в области литературы, одна из самых авторитетных писательниц современной литературы США. В романах Т. Моррисон запечатлено стремление проникнуть в глубь национальной идентичности, понять и осознать свои корни, сохранить культуру, историческую память предков. Писательский голос Т. Моррисон вливается в многоголосие самобытной культуры афроамериканцев. Все произведения автора – суть опыта и истории «чернокожей Америки» [1], пронзительный рассказ о нации, о сломленных человеческих судьбах, людях, латающих свои внутренние раны, ищущих себя, свое место в мире, о приобретениях и потерях, сопутствующих этому поиску.

В романе «Жалость» писательница обратилась к истории становления США, к тому времени, когда представители Старого Света

стали приезжать на новые земли и ввозить рабов из Африки. XVII век, еще нет Соединенных Штатов, но все социальные противоречия будущего обнаруживаются и в этом далеком времени: рабство, расизм, трагедия оторванности человека от исторических корней. Новый Свет в изображении Т. Моррисон лишен идеализации: возможность производить сделки, рассчитываться с кредиторами «живым товаром» – рабами, пренебрежение к людям иного социального происхождения, национальная ненависть («рабочую силу просто завозят новую. Как дрова взамен сожженных... Там просто бешеное кишение мулатов, креолов, метисов, замбо, каких-то чино-латино и прочих дворняг и ублюдков»), религиозное лицемерие – таков социальный фон романа «Жалость» [2].

Главный герой романа Джекоб Ваарк, прельщенный открывающимися возможностями начать жизнь с «чистого листа», в числе прочих переселенцев оказывается на этих землях. Тема оторванности от национальных и семейных корней, сиротства – не только фактического, но и внутреннего, психологического – заявлена писательницей уже на первых страницах романа: «И вот же куда он попал – он, жалкий сирота, стал чуть ли не помещиком и делает теперь из ничего нечто, из подручной окружающей дикости строит благопристойное бытие» [2]. Однако Джекоб не может остаться равнодушным к царящим порядкам, запрещающим «давать рабам волю, собираться толпами, а черным – свободно перемещаться и носить при себе оружие. Мало того, любому белому разрешалось убить любого черного по любому поводу, а ежели какой владелец изуверчит своего раба или убьет до смерти, то ему... полагается компенсация, так что отныне все белые оказывались под защитой и от всех черных отъединялись навеки» [2].

Желая «отъединиться навеки», изолироваться от жестокого мира, чувствуя себя чужими, не равными по социальному положению

приехавшей английской знати и аристократии, Джекоб и его жена Ребекка поселяются в отдаленной усадьбе, из которой пытаются создать «райский уголок», место спокойствия, уединения и защищенности, где они смогли бы жить «малым своим мирком, переплестись и корнями, и ветвием. Извне никто им не был нужен. Или так им казалось» [2]. Но в подобных условиях идиллия обречена на разрушение. Все острее ими ощущается неприкаянность, одиночество, которое подчеркивается тем фактом, что их дети умирали еще во младенчестве и только дочке удалось дожить до пятилетнего возраста. Бегство из «большого мира», должное стать спасением, после смерти Джекоба для Ребекки превращается в осознанное затворничество. Она такой же чужак на этой земле, как и помогающие ей по хозяйству женщины-рабыни Лина, Флоренс и Горемыка, прибывшаяся ко двору и оставленная Джекобом из жалости, поскольку «по опыту собственного детства он знал, что беспризорнику – будь то ребенок или щенок – в этом мире нет места, если не попадетсся ему, по счастью, великодушный незнакомец» [2].

Каждый из героев романа имеет свою историю одиночества. Родную семью Лины постигло несчастье: мор, напавший в результате болезни на деревню, где она росла, уничтожил всех жителей, в том числе и родных девушки. Пришедшие солдаты-европейцы, чтобы остановить эпидемию, сожгли деревню, двое оставшихся в живых мальчиков были сразу увезены куда-то, куда Лина и не знала, а ее на воспитание отдали «в семью добрых пресвитериан» [2]. Своё назначение они видели в том, чтобы научить дику индианку правилам жизни европейцев, для чего требовалось оторвать ее от исторических корней, от национальной культуры.

Девочка, которую в этой семье лишили даже собственного имени, дав другое – подходящее – Мессалина, приняла правила игры, поскольку «ей было боязно вновь потерять крышу над головой, оказаться без семьи, наедине с пугающим миром, поэтому она, чтобы им потрафить, согласилась принять на себя личину дикарки, которую этим святым людям приходится поучать и воспитывать» [2].

Позже, уже живя в доме Джекоба, Лина стала по кусочкам собирать себя, свою идентичность, она вспомнила то, чему учила ее мать, соединила родное, национальное с отчасти освоенной культурой европейцев и «припомнила – или придумала – скрытый смысл явлений. Нашла, иначе говоря, свое гнездышко в этом мире» [2].

Спасением от одиночества, от внутренней разорванности стало для Лины осознанное отшельничество, слияние с природой, признание того, что все внешнее, социальное – разрушительно: «Одиночество совсем бы ее сокрушило, кабы она не открыла для себя отраду отшельника: самой стать частью движимой природы» [2]. В традициях «магического реализма» Т. Моррисон наделяет героиню умением разговаривать с птицами, животными, растениями, понимать язык дождя. Память о «разрушении мира», о гибели деревни и смерти родных Лина вырвала из своего сознания, оставила только светлые и радостные фрагменты прошлого, воплотив воспоминания о них в символе природной стихии – огне, но не несущем смерть, а очистительном «и до одури красивом», сделав свое «новое я... почти совершенным» [2].

Флоренс была отдана Джекобу за долги, причем мать девочки сама предложила ее в качестве расплаты вместо себя, как на том настаивал Джекоб: «Пожалуйста, сеньор. Меня не надо. Ее возьмите. Возьмите мою дочь» [2]. Однако это поступок матери рожден не жестокосердием, а тоже своего рода жалостью: у нее был грудной ребенок, который бы погиб, если бы женщина вынуждена была уйти жить в другое место, а Флоренс, хоть и была ребенком, но более самостоятельным.

Если Лина заставила себя забыть гнетущее прошлое, Флоренс, спасаясь от внутренней пустоты и сиротства, сконцентрировалась на эмоциональной привязанности, то Горемыка прошлого – корней – словно и не имела. Будучи не похожей на всех, «не в своем уме», и не нуждающейся ни в ком, она «до сих пор так и не вспомнила, откуда она и что с ней приключилось, – говорит, на берег ее вынесли киты», хотя предполагают, что некогда она жила в полном одиночестве на полузатопленном корабле [2]. То, что Джекоб взял ее в свой дом, было, в его оценке, «актом милосердия», поскольку «бродяжки и сироты вызывали у него острую жалость: слишком легко он ставил себя на их место» [2].

Как ни старался Джекоб создать идеальный мир, установить в своей семье законы милосердия, гуманизма, ему не удастся этого сделать. Установленный порядок после его смерти распадается, поскольку отношения, в основе которых лежит не единая духовность, объединяющая представителей нации, этноса, человеческого сообщества, а милосердие, но рожденное жалостью, обречены на разрушения: «Когда-то они считали себя чем-то вроде семьи, потому что сблизилась, высекли искру товарищества из нескольких одно-

честв. Однако семья, в которую, как все воображали, они сплотились, обернулась обманом. Каждый любил свое, своих страхов бежал и своего добивался, и будущее у каждого было отдельным, да и поди еще пойми каким... За неимением кровного родства, он не видел в обозримой близости ничего, что могло бы объединить их» [2].

Джекоб выкупал рабынь, основываясь на жалости к ним и, отчасти, на полезности их в ведении домашнего хозяйства. Но этот гуманистический подход – единичное явление. Рабы – еще с тех далеких времен, как воссоздаст этот исторический факт Т. Моррисон, – это, в первую очередь, дешевая рабочая сила, которая не требует больших трат на свое содержание. Рабство и работорговля изображаются писательницей как разрушительная сила, перечеркивающая естественный ход вещей, сила, которая разрушала нации, семьи, детей отрывала от матерей, жен от мужей, сестер от братьев.

Трагедия героев романа «Жалость» обусловлена тем, что, оказавшись оторванными от корней, на новой земле они не нашли никакой созидательной, объединяющей силы, им не хватает устойчивых, вневременных традиций семьи, расы, нации (которые, с точки зрения писательницы, дает афроамериканцу община), позволяющих преодолевать чувство одиночества в окружающем мире. Отсутствие любви, поддержки как семейной, так и национальной, жестокость социума, страх, неведение того, что может случиться завтра, и потому болезненное ощущение «сиротства» каждым жителем фермы определили ощущение безысходности семьи, искусственно созданной Джекобом.

Роман «Жалость» обращен к исследованию проблемы национального самосознания через анализ жизни героев, оторванных от своих этнических, семейных корней, героев

трагических, из истории которых исключена определяющая составляющая национальной идентичности. «Жалость» – это образец социально-психологической прозы, поскольку для Т. Моррисон представляется одинаково важным исследование и социального аспекта истории становления страны, впоследствии ставшей восприниматься родиной афроамериканцев, и психологического аспекта, связанного с изучением внутреннего комплекса ощущений, порожденных осознанием человеком потери, утраты связи с историей своего народа, того, что составляет фундамент национального самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михальчук, Л. Чернокожая Америка как она есть [Электронный ресурс] / Л. Михальчук // Издательство «Иностранка». Рецензии. – Режим доступа: <http://inostranka.ru/ru/text/2340/>. – Дата доступа: 24.08.2009.
2. Моррисон, Т. Жалость; пер. В. Бошняк / Т. Моррисон // Библиотечный ресурс Книжное братство Флибуста [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://flibusta.net/b/181948/read> – Дата доступа: 22.05.2014.

SUMMARY

Article is devoted to an important - in both the public, cultural, and literary criticism in terms of - the problem of national identity. The consciousness of the nation, her mentality act as a certain marker of the nation, that shows its uniqueness, promotes the purpose of national revival. The culture of the nation, ethnos can't exist out of a national form of the self-expression, one of which parts is the literature. The article provides analysis of the novel by T. Morrison "A Mercy" in which the writer continues the tradition of immersion in the history of the formation of African-Americans as a special component of the U.S. ethnic diversity, recreates the tragedy of isolation of the individual from the history of their country, nation, family, asserts the importance of familiarizing the person to a single cultural community.

Поступила в редакцию 07.07.2014 г.